

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Марии Алексеевны Тарасовой
«Переводы современной англоязычной поэзии на русский язык в аспекте
потенциальности», представленную на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Известно, что язык переводных текстов всегда оказывал значительное влияние на язык оригинальной русской литературы: переводная поэзия служила той лабораторией, в которой осуществлялась выработка новых форм. Это верно как для языка поэзии конца XVII века, находившегося в зависимости от польской силлабики, так и для поэзии серебряного века, на которую определяющее влияние оказывала литература французского модернизма. Русская литература второй половины XX века также испытывала заметное влияние со стороны иностранной, прежде всего, англоязычной поэзии.

Английский язык в этом контексте выступал одновременно и как один из наиболее распространенных в мире языков, и как язык литературной традиции, довольно сильно отличающейся от традиции русскоязычной (несмотря на отдельные точки пересечения — например, в виде влияния поэзии У. Уитмена на В. Маяковского). Опыт взаимодействия с этой литературной традицией и перевода отдельных ее произведений позволил ряду современных поэтов выработать индивидуальные манеры, не имевшие аналогов в отечественной поэзии. Один из наиболее показательных примеров: стихи И. Бродского 1960-х годов, содержащие следы внимательного чтения многих англоязычных поэтов (Т.С. Элиота, У. Одена и других), зафиксированные помимо прочего в мемуарной прозе поэта. Другой пример: группа петербургских авторов, для которых определяющим оказался опыт американских поэтов, принадлежавшей к так называемой «Школы языка» (Аркадий Драгомощенко, Александр Скидан, Сергей Завьялов), а также на ряд московских поэтов, ориентировавшихся на традиции поэзии битников (прежде всего, Михаил Файнерман, Кирилл Медведев).

Несмотря на ту уникальную роль, которую переводы англоязычной поэзии играли в развитии языка русской поэзии второй половины XX века, нам не известно работ, которые систематически рассматривали те траектории, по которым происходило взаимодействие одной поэтической традиции с другой на языковом уровне. При этом анализ путей этого взаимодействия является одной из первоочередных задач в исследованиях языка современной поэзии и его связи с общеупотребительным языком. Работа М.А. Тарасовой, рассматривающая языковые особенности новейшей переводной поэзии, позволяет приблизиться к решению этой задачи: язык переводной поэзии 1990—2000-х годов рассматривается здесь как источник для обновления национального языка, содержащий в концентрированном виде те тенденции, которые в будущем могут стать заметным явлением уже за пределами языка поэзии. И в этом состоит новизна представленной работы.

При этом нельзя не отметить, что выборка, на основе которой осуществлено диссертационное исследование, составлена крайне убедительным образом: она включает как тексты известных переводчиков и поэтов, чей язык является в некотором смысле образцовым для поэзии 1990—2000-х годов, так и тексты малоизвестных переводчиков. Подобное разнообразие выборки и принципиальное решение отразить всё многообразие практик поэтического позволяет автору исследования делать выводы не об особенностях языка отдельных переводчиков, а о поэтическом переводе англоязычных поэтических текстов в целом и о том, в какой степени эти переводы отражают активные процессы, происходящие в современном русском языке.

Таким образом, представленная работа решает сразу две исследовательские задачи: (1) анализирует всё множество существующих стратегий перевода новейшей англоязычной поэзии и (2) очерчивает тот круг возможностей, которые, будучи впервые задействованы в переводной поэзии, изменяют облик языка переводчика, принимающего языка. При этом в исследовании этих задач активно привлекаются корпусные и точные методы исследования, что позволяет проверить адекватность делаемых в работе выводов на самом широком языковом материале.

Для описания этого проблемного поля диссертантка обращается к понятию языковой потенциальности, под которой понимается «реализация возможностей, заложенных в языковой системе и получающих развитие при определенных благоприятных условиях» (с. 20). Использование этого понятия оказывается особенно продуктивным при исследовании языка новейшей поэзии, т.к. потенциальные языковые явления в последней обладают исключительным статусом. Можно сказать, что поэтическая практика вообще направлена на создание потенциальных элементов, которые в одних случаях могут становиться общеупотребительными (как в случае слова «бездарь», придуманного поэтом Игорем Северяниным), а в других оставаться в потенциальной сфере. В этом смысле поэтический перевод «вдвойне» потенциален: он оказывается источником потенциальных форм как для языка собственно переводной поэзии, так и для современного русского языка в целом. В свою очередь, сфера употребления этих потенциальных явлений может расширяться, захватывая далекие от поэзии сферы (например, сферу языка рекламы или языка СМИ). Понимание того, что поэтический язык является такой подсистемой национального языка, где происходит зарождение тех «потенциальных» языковых элементов, которые затем становятся частью общеупотребительного языка, выгодно отличает настоящую диссертационную работу: язык переводных поэтических текстов рассматривается здесь не изолировано, но в контексте места, занимаемого им в системе национального языка.

Удачная структура диссертационной работы позволяет проследить организацию языка переводных поэтических текстов на разных уровнях и в различных контекстах. Работа состоит из двух глав, первая из которых в большей степени посвящена общим проблемам перевода, а вторая — конкретным процессам, происходящим в области словообразования и грамматики языка переводных поэтических текстов.

Первая глава состоит из двух разделов: первый посвящен методологии изучения языка переводных поэтических текстов и особенностям языка современной англоязычной и русскоязычной поэзии; здесь же подробно рассмотрено понятие «потенциальности», стержневое для рассматриваемой работы. Второй раздел главы имеет исторический характер: здесь кратко обозревается то влияние, которое практика перевода оказала на язык оригинальных русскоязычных текстов (от X века и до настоящего времени), что позволяет включить современную практику перевода поэтических текстов в более широкий контекст развития русской литературы и ее языка.

Один из тезисов, предложенных в первой главе, кажется нам особенно важным: это тезис об исключительном значении, которое в практике перевода поэтических текстов занимает языковая интерференция (с. 77—81). В отечественной науке о переводе это явление традиционно рассматривалось в негативном ключе и являлось признаком «формалистического» подхода. Исследования последних лет, посвященные истории советского художественного перевода, выявили, что подобная оценка связана с идеологическими пресуппозициями сталинской эпохи и в связи с этим должна быть пересмотрена, исходя из того действительного влияния, которое языковая интерференция оказывает на развитие поэтического языка¹. Можно утверждать, что в 1990—2000-е гг. практика поэтического перевода (особенно если он осуществлялся не профессиональными

¹ Азов А.Г. Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920—1960-е годы. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 59—60.

переводчиками, а действующими поэтами) полностью освободилась от этой идеологически детерминированной концепции, предполагающей обязательное упрощения языка переводного текста. Поэтический перевод последних десятилетий во многом вернулся к тем переводческим принципам, что были сформулированы немецким философом Вальтером Беньямином в эссе «Задача переводчика»: «Принципиальная ошибка переводчика в том, что он фиксирует случайное состояние своего языка вместо того, чтобы позволить ему прийти в движение под мощным воздействием иностранного»². Рассмотрению этих принципов посвящен небольшой раздел первой главы работы, где обзвораются воззрения философов XX века на практику перевода. Так, Беньямин рассматривал язык переводного текста как инструмент для трансформации «принимающего» языка, языка переводчика и утверждал, что именно перевод предоставляет возможность сформировать те тенденции, которые затем могут стать частью общеупотребительного языка. Необходимо заметить, что именно этот взгляд на поэтический перевод последовательно отстаивается в диссертационной работе.

Явления, связанные с языковой интерференцией, оказываются одним из наиболее продуктивных источников обновления поэтического языка: как правило, эти явления по умолчанию относятся к «потенциальной» сфере, обозначая тем самым границу между языками оригинальной и переводной поэзии — границу, которая, как показано в рассматриваемой работе, отличается гибкостью и проницаемостью: «В языке современной переводной поэзии действует сознательный механизм потенцирования, направленный на использование исключительно средств принимающего языка, в то время как в современной русской поэзии характерно стремление расширить границы языковой нормы» (с. 12).

Вторая глава работы посвящена анализу взаимодействия языка англоязычных переводных текстов и «принимающего» языка. Именно в этой главе прослежены те языковые элементы, которые в концентрированном виде отражают потенциальные черты в системе принимающего языка. Предметом анализа здесь выступают три словообразовательных типа, не имеющих прямых аналогов в русском языке и потому позволяющих диагностировать отличия разных методов перевода поэтических текстов: прилагательные с суффиксом *-able*, существительные с суффиксами *-er* и *-ing*, а также сложные слова с суффиксом *-ed*. Отдельно также рассматриваются особенности грамматики отрицания, поведение форм множественного числа существительных и некоторые особенности функционирования предлогов. Здесь же выделяются две модели, согласно которым происходит влияние языка переводных текстов на язык оригинальной поэзии: модель «потенциальное — потенциальное» и модель «узуальное — потенциальное». Для того чтобы отделить одну модель от другой используются данные о частотностях изучаемых лексем, предоставляемые как Национальным корпусом русского языка, так и данными Интернета.

Использование этих данных позволяет проследить, в какой степени потенциальные элементы, обнаруживаемые в языке переводной поэзии, распространены за ее пределами — в общеупотребительном языке. Особенно важным здесь оказывается привлечение этих двух типов источников: НКРЯ позволяет проследить употребление потенциальных форм среди в большей степени ограниченного количества источников — в языке СМИ, языке современной литературы и т.д. — в то время как привлечение данных Интернета позволяет проследить, насколько эти элементы распространены в языке Интернет-коммуникации, более неформальном и отличающемся способностью интегрировать потенциальные формы.

---

² Беньямин В. Задача переводчика / Пер. с нем. Е. Павлова // Он же. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 268.

Возможно, третий источник, который мог бы быть здесь привлечен в будущем, -- поэтический подкорпус НКРЯ, на примере которого можно было бы сделать выводы о распространении соответствующих потенциальных форм в оригинальной русскоязычной поэзии. На данный момент поэтический корпус не включает тексты рассматриваемого в диссертации периода, однако подобное дополнение корпуса планируется в ближайшем будущем и при дальнейшей разработке заявленной в работе темы было бы целесообразно использовать также эти данные.

Особое внимание в этой части работы уделено тем переводчикам, которые сами являются практикующими поэтами и для которых поэтический перевод — одно из центральных средств обновления собственного поэтического языка. К таким поэтам относится Ника Скандиака, применительно к которой говорит о «потенциальности как авторской стратегии, об общем поле потенциальности, создаваемым оригинальными поэтическими текстами и переводами» (с. 241). Таким образом, язык переводной поэзии рассматривается в диссертации как часть языка современной поэзии как таковой.

Все перечисленные особенности языка современной переводной поэзии впервые анализируются в таком объеме и с такой полнотой, что позволяет считать настоящую диссертационную работу новаторским исследованием. Вторая глава работы содержит множество примеров переводных поэтических текстов, лингвистический анализ которых отличается тонкостью и ясностью, и это, несомненно, одно из существенных достоинств работы. Работа выполнена на высоком уровне, однако, с нашей точки зрения, не свободна от нескольких проблемных моментов, на которые хотелось бы обратить внимание.

Первое наше замечание касается не вполне точного, с нашей точки зрения, описания различных типов фрагментированного синтаксиса, используемых современными поэтами, пишущими как на английском, так и на русском языке. В диссертации характерный способ графического разбиения стихотворного текста, сопровождающийся синтаксической фрагментацией, относится к графической поэзии, в то время как многие исследователи современной поэзии небезосновательно разделяют эти два явления, относя к графической поэзии более радикальные формы преобразования внешнего вида поэтического текста (классический пример графической поэзии — некоторые «фигурные» стихотворения Гийома Аполлинера). Важное пропущенное звено — понятие «проективного стиха», предложенное американским поэтом Чарльзом Олсоном и описывающее именно такой фрагментации синтаксиса, при котором поэт стремится преодолеть линейность чтения текста, свободно распределяя составляющие текст элементы по пространству книжной страницы³. Возможно, более последовательное привлечение работ исследователей языка американской поэзии и поэтологических трактатов самих поэтов позволило провести более детальное различие между различными видами поэтического синтаксиса.

Кроме того, можно не соглашаться с отдельными интерпретациями тех или иных переводческих решений или стратегий. Например, в работе рассматривается перевод стихотворения Ш. Сильверстина, выполненный В. Сервинским: *He's the Twistable Turnable Squeezable Pullable // Stretchable Foldable Man* — *Он крутимый, вертимый, легко растяжимый // Компактный складной человек*. Предметом анализа в этом отрывке является способ перевода на русский язык форм на *-able*: «Прилагательное *foldable* передано как *складной*, так как поморфемный перевод *складываемый* не имеет необходимой модальной семантики, то же самое происходит со *squeezable*: поморфемный перевод дал бы здесь прилагательное *сжимаемый*» (с. 133). Нам представляется, что в данном случае мотивация к выбору одного, а не другого варианта перевода куда более прозрачна: переводчик принимает решение сохранить трехсложный ритм оригинала в

³ Олсон Ч. Проективный стих / Пер. с англ. А. Скидана // Новое литературное обозрение. 2010. № 105. С. 255—265.

переводе, но поморфемный перевод не только бы приводил к актуализации других значений словоформ, как пишет автор диссертации, но и явным образом разрушал ритм оригинального текста (сочетание анапеста и амфибрахия). Таким образом, в данном случае избранный переводчиком способ передаче прилагательных на *-able* зависит не только от семантических особенностей последних, но и от того метрического контекста, в который они помещены.

Все эти замечания, однако, не влияют на общее качество работы, которая выполнена на высоком уровне и является во всех смыслах новаторским исследованием языка современной переводной поэзии.

В заключение хотелось бы наметить одно направление, в котором может быть продолжено настоящее исследование. Изучение языка современной переводной поэзии позволяет поставить вопрос о той роли, которую потенциальные языковые формы играют в поэтическом языке представителей различных литературных групп и кругов. Этот вопрос приобретает особую важность в контексте усложнения общей структуры литературного пространства 1990—2000-х гг., разделенного на несколько взаимодействующих друг с другом, но всё же отделенных друг от друга сред, на институциональном уровне представляемых, как правило, различными изданиями (круг альманаха «Вавилон» и журнала «Воздух», круг альманаха «Транслит» и т.д.). Данные настоящего исследования могли бы сделать эту разметку литературного поля более детальной, положив в ее основу собственно лингвистические критерии, тем более, что набор таких критериев в явном виде перечислен в настоящей работе.

Автореферат соответствует содержанию работы. По теме диссертации опубликовано десять работ, три из которых — в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ. Таким образом, диссертация «Переводы современной англоязычной поэзии на русский язык в аспекте потенциальности», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным пп. 9—14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор, Мария Алексеевна Тарасова, заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.
+74956952660

Кирилл Михайлович Корчагин

+79169044864
stivendedal@gmail.com

